

ПРО ДВУХ ОТЦОВ ГАЛИНЫ ЩЕРБАКОВОЙ

С Галиной Владимировной Щербаковой, в недавнем прошлом доцентом философского факультета Томского госуниверситета, мы знакомы уже более десятка лет. В детстве в Томске она жила неподалеку от дома сестры моего деда и была дружна с её дочерью Викторией. Муж её, ныне покойный, был другом детства мужа Виктории Валерьяновны, тоже уже умершего.

Очевидно, вот такое наше “родство” позволяло ей быть в разговоре со мной более откровенной. Зная мой интерес к истории поляков в Томске, она как-то в разговоре обмолвилась: - Знаешь, а ведь отец у меня тоже был поляком и по-настоящему я не “Владимировна”. Это отчество мне досталось от отчима, что вырастил меня. Но и оно, если говорить точно, не совсем правильное, так как мой второй отец, как оказалось, тоже был польских кровей, звался Вальдемар Янович, и фамилия его была Туля. Но еще в двадцатые годы его фамилия и имя были изменены на русский манер и стал он зваться Владимиром Ивановичем Тульевым. Вот и я до замужества была Тулевой. Старинная русская фамилия... Родного же отца моего, Александра Блюнского, расстреляли в тридцать восьмом году 7 февраля как польского шпиона, мне тогда было от роду всего три месяца. И хотя сама я по понятным причинам помнить его не могу, но кое-что знаю со слов мамы и соседей, а потом мне довелось в 1994 году почитать его расстрельное дело.

-А знаешь, - продолжила тогда моя собеседница, заканчивая тот наш случайный разговор, - в его следственном деле я не нашла ни слова о побеге, который совершил мой отец в январе тридцать восьмого года, когда его везли из подвалов НКВД в тюрьму, что и сейчас находится на улице Пушкина...

Заинтригованный таким началом разговора со своей собеседницей, я уже не мог не попросить специально встретиться и выслушать рассказ о судьбах её двух отцов “польских кровей” и загадочном побеге от НКВДешных палачей одного из них - Александра Блюнского. Такая встреча вскоре состоялась, и Галина Владимировна продолжила свой рассказ:

- Из дела на своего репрессированного отца я узнала, что мой отец, Блюнский Александр Ефимович, родился 2 мая 1907 года, был относительно молодым человеком на день ареста. Женился он на моей маме 15 февраля 1937 года, на Сретенье. Я родилась 30 октября тридцать седьмого, а его арестовали 15 декабря тридцать седьмого. Т.е. я хочу отметить, что вся история с его женитьбой, моим рождением, последующим его арестом и расстрелом уложилась в рамки одного года, и даже меньше, потому как расстреляли его 7 февраля тридцать восьмого, за неделю до годовщины своей свадьбы.

Родился он в Анжеро-Судженске в польской семье. По воспоминаниям известно, что в семье его дедов было много литературы на польском языке и даже на французском. Кто они были – не известно, должно быть, ссыльные после польского восстания еще с XIX века. Насколько отец знал польский язык, я не знаю, но арестован он был по польскому делу.

Мне известно, что отец в молодости был весьма активным человеком, поддерживал Советскую власть. Работал ранее в какой-то избе-читальне, ездил в 1929 году как представитель Томска в Москву на какой-то съезд пропагандистов. Сохранился дневник, в котором он описывает это путешествие. Печатал в газете “Красное знамя” свои стихи. Арестовали его через несколько дней после проведения выборов. 12 декабря 1937 года проходили выборы в Верховный Совет СССР, и отец как активист был привлечён во время выборов работать в избирательной комиссии. Как вспоминала мама, утром 13 декабря отец пришёл домой после подсчёта голосов. А выбирали тогда по нашему округу Сталина и академика Бардина. Избирательный участок, в котором работал отец, находился в здании школы № 2. Возвратившись с заседания избирательной комиссии, он поделился с мамой информацией о том, что, оказывается, много людей проголосовало против Сталина. Конечно, об этом он попросил маму никому не говорить. Да и она сама прекрасно знала, что можно было говорить, а что нельзя. Год шёл памятный, известный ...

Так вот, отработав в этой избирательной комиссии, он через 2 дня вышел на свою основную работу. Там его и арестовали. По специальности он был топограф и работал раньше по строительству железных дорог. Принимал участие в строительстве Асиновской железной дороги и Бама. Ну а когда женился, стал работать управляющим делами Томской карандашной фабрики. Замечу, что именно на этой фабрике лично я в 1960 году, уже, будучи студенткой пятого курса университета, получала на отца после его реабилитации двухмесячное пособие. Там его ещё помнили.

Узнав об аресте отца, мама пошла с передачей к теперь хорошо известному томичам дому на проспекте Ленина, что находится напротив городской мэрии. В подвале этого дома и содержались арестованные по так называемой “линии НКВД”. Там её встретил какой-то молодой охранник, спросил к кому она пришла, как долго замужем и все остальное... Узнав, что замужем за арестованным она всего один год, он тихонько посоветовал ей от этого здания уйти и больше не приходить. И мама моя уже там больше не была, тем более что дома был грудной ребенок... Уж не знаю, о чём она тогда думала и на что надеялась, скорее всего только на себя. Свидание с отцом состоялось, правда совсем в иной обстановке и при иных обстоятельствах, чем она могла себе предположить.

Как она вспоминала, где-то в середине января, в самые лютые крещенские морозы, к ней неожиданно в комнату ввалилось несколько человек в казённых полушубках. Ничего не говоря, стали делать обыск в комнате, первым делом заглянули в подполье, где хранилась картошка. Мама в ужасе застонала: дверь нараспашку на улицу в единственной комнате квартиры, а тут я маленькая в пелёнках ору. Не выдержала, возмутилась: “Вы же мне ребёнка простудите!”. Правда, после этого следователь по фамилии Крутов, так он представился, приказал всем его сопровождающим из квартиры выйти, а сам с ещё каким-то охранником остался.

Комната была маленькая, всего каких-то 9 квадратных метров. Как мама вспоминала, время тянется, а она ничего понять не может: зачем пришли, кого ждут. Следователь между делом начал расспрашивать мать. Кто она такая, где росла, как в Томске оказалась и всё прочее.

Время незаметно тянется, а они всё сидят. Наступили сумерки. И вдруг где-то после четырех часов дня неожиданный стук в дверь. Мать открыла дверь, а на пороге стоит мой отец. А тут его работники НКВД встречают. Оказывается, отец сбежал из-под ареста, а в квартире у нас устроили засаду, чтобы его поймать.

Как потом стало известно, отца вместе с группой других арестованных стали перевозить из подвала НКВД на улице Ленина в здание тюрьмы, что находилась по Иркутскому тракту, сейчас это улица Пушкина. Перевозили их в кузове полуторки с охраной по углам, рано утром. Когда машина проезжала возле водонапорной башни, где находился в то время городской базар – толкучка, с раннего утра заполненная народом, в этот момент отец неожиданно для охранников спрыгнул с машины, сиганул в толпу и быстро в ней скрылся. Значит, отец совершил побег, а в его квартире сотрудники НКВД устроили засаду. В неё и угодил отец, так мало побывший на свободе.

Правда, когда его вторично арестовали в собственной квартире, ему не стали заламывать руки в присутствии жены, дали даже возможность покушать и сменить одежду. Тут же следователь Крутов начал его спрашивать, где он был, сбежав из-под конвоя. Отец ответил, что ходил в баню, гулял по городу, убежать он не собирался, но хотел только попрощаться со своей женой и посмотреть на дочь, т. е. на меня. Уходя, сказал маме: “Жив буду, найду!”.

Через какой-то час после того, как увели отца, в квартиру прибежал запыхавшийся младший брат отца Иван и рассказал, что с ним произошло. Утром этого дня его неожиданно арестовали, посадили в камеру, а к вечеру неожиданно выпустили. Когда вели по коридору, он встретил моего отца, шедшего под конвоем в камеру. Только и смогли, что поприветствовать друг друга несколькими словами. Вот он и прибежал к матери сказать, что видел моего отца и спросить, что произошло. Она ему рассказала о побеге моего отца. Видно по всему, брата отца арестовали как заложника и держали до момента задержания беглеца.

Возможно, хотели арестовать и мать, но куда девать маленького ребёнка... Брата отца больше не арестовывали, с началом войны его взяли на фронт и он там погиб. Сейчас его имя высечено на мемориальной плите памятника, что стоит в Лагерном саду. Вот такая судьба ему выпала в отличие от своего старшего брата.

Через какое-то время к маме пришла жена плотника драмтеатра Алексея Михайловича Крысина, также арестованного органами НКВД, и поделилась известием о том, что мой отец, оказавшись, после побега заходил к ней и передал известие от её мужа. Выходит, что, совершив этот побег, он не только о себе думал, но ещё оказал ряд услуг своим соседям по камере.

Что потом произошло с моим отцом, я не знаю, но уже много позже из полученных документов я узнала, что 19 мая он был осуждён по 58 статье как польский шпион и расстрелян 7 февраля 1938 года.

Проходил он по одному делу с доцентом ГТИ Голашевским. В этой же группе были также поляки Козловский, Отрожек, Фиалко и ещё кто-то, всего 10 человек. Всех их объединили в одно дело, хотя они друг друга и в глаза не видели до ареста. Голашевский был старше всех. Отрожек, студент ГТИ – всех младше. Фиалко обвинили только за то, что он в Западной Белоруссии переехал из одного района в другой, и тем самым перешёл границу. Отрожек обвинялся в том, что якобы в Политехническом испортил какое-то оборудование.

Отца обвинили в том, что он ещё в мае 1936 года якобы хотел сжечь карандашную фабрику, но ему помешали. Так было записано в протоколе допроса, а в самом обвинительном заключении уже записано: “Сжёт фабрику”. Далее, его обвинили в том, что когда он стоял во время парада в праздник, то смотрел на этот парад, чтобы выяснить, как вооружена наша Красная армия, чтобы потом передать эти сведения фашистской Польше. Обвинили также в том, что отец якобы высказывался о том, что наши крестьяне, дескать, живут хуже, чем в Польше. Ну и так далее. Итого 6 пунктов обвинения.

Когда я в 1960 году созрела для понимания всех этих проблем, хотя как историк, как студентка университета, об этом на факультете не получила абсолютно никакой информации, я обратилась в прокуратуру с заявлением о реабилитации отца. Через какое-то время меня пригласили в КГБ. Завели в большой кабинет на 4 этаже здания по проспекту Кирова 18. Помню, что в этом кабинете за столом сидел какой-то большой начальник на расстоянии нескольких метров от меня. Предложили мне воды в стакане, а потом сообщили, что отец реабилитирован посмертно. Я начала спрашивать, когда и где это случилось и попросила его дать разрешение на посещение места захоронения отца в Магадане или где – то еще. Он удивился и сказал: “Ну, знаете, но ведь не все там были, ведь некоторые там и не бывали..., ведь некоторые и здесь оставались по тюрьмам...”

Тут я не сдержалась и выпалила: “Ах, значит, моего отца в томской тюрьме расстреляли? Значит, кости, которые мы в детстве находили в оврагах за тюрьмой на Каштаке, это кости наших отцов, а не беляков? Начальник, немного стусевавшись, сказал в ответ: “Ну, я не знаю, чьи это были кости, но, во всяком случае, ехать Вам никуда не надо...”

Посоветовал, куда надо обратиться за похоронкой, и доброжелательно проводил меня из кабинета...

Выдали похоронку мне в городском ЗАГСе. Я потом здесь же в соседнем кабинете свой брак регистрировала. Так вот, пришла я за этой справкой, а передо мной целая очередь за такой же бумагой. Обратила я тогда внимание, что у многих в этих выданных бумагах значилось, что один умер от брюшного тифа, другой – от сердечной недостаточности, и у всех примерно одно время – сороковой какой-то год. И я получила такую же бумагу, где было указано, что отец умер от тифа. Я сразу тогда подумала: их всех расстреляли. А когда я уже получала вторично похоронку на отца в 1994 году, мои давние подозрения подтвердились. В свидетельстве о смерти уже было записано, что его расстреляли 7 февраля 38 года. Расстреляны были в этот же день и многие его однодельцы.

Первое время маме моей после ареста отца пришлось очень тяжело. Как-то она мне призналась, что не отсутствие работы её страшило, не то, что меня маленькую не с кем было

оставить, а отношение многих людей, их мещанские улыбочки по поводу её одинокого материнства: “Надо же, такая вроде симпатичная женщина, а где-то сураза нагуляла”. Этим прозвищем тогда называли незаконнорожденных. И тогда мама мне сказала: “Ведь знаешь, дочка, нехорошо об этом говорить, но когда началась война, всем наступило тяжело, но мне морально стало намного легче - я сравнивалась с другими женщинами- одиночками. А до этого мне приходилось замыкаться в своей беде и чувствовать себя как прокажённой”.

Рассказывала она, что, поняв то, что на работу не устроится, если рассказывать всю правду, стала лгать и говорить: “Меня муж бросил”. Некоторые начальники не верили, что не может быть, чтобы таких хороших женщин мужья бросали. На что мама парировала: “Всеякие встречаются”. Только так она могла устроится на работу. Работала в кожмехе, на стекольном заводе, карандашной фабрике и только потом устроилась на пристань в контору и проработала там очень долго.

В 1943 году мама вышла замуж. Наверное, судьбе было так угодно, что её избранником вновь оказался поляк по паспорту, уроженец Гродненской губернии.

Папа, а для меня он стал папой с октября 1944 года после моего удочерения, пережил мою мать на 3 года, и похоронила я его рядом с мамой в 1991 году. Он был самым младшим в семье Тулей. В годы гражданской войны их семья оказалась в Чувашии. Затем, став сиротой, он стал беспризорничать, ездил в собачьих ящиках под вагонами аж до хлебного города Ташкента. Встретил его случайно на вокзале в Ульяновске старший брат Виктор и взял к себе. Брат был участником гражданской войны, каким-то военным и был с большими почестями похоронен у себя на родине. Ещё один брат Степан погиб на фронте. Была ещё сестра Марта, которая закончила Ташкентский университет, а прожила всю жизнь в городе Фрунзе.

В 1930 году Владимир Иванович уехал в Комсомольск, закончил речной техникум на Дальнем Востоке и стал служить в Амурской флотилии, получил звание младшего лейтенанта. Когда началась война, он как поляк в армию призван не был, но получил назначение выбирать новое место службы. Он выбрал Обской бассейн и таким образом приехал в Томск. Здесь в Томске служил капитаном. Последний пароход, на котором плавал отец, назывался “Колхозник”.

Так вот, в 1943 году он познакомился с моей мамой, а в 1944 году у меня родился братик. Только тогда НКВД разрешили маме развестись с моим родным отцом. Мы же не знали о судьбе отца. Было известно только одно – “взят по линии НКВД”. Вот тогда после регистрации их брака и меня перевели на фамилию нового отца и дали новое отчество. Так и стала я “Тульева Галина Владимировна”. Ну а потом уже вышла замуж и сменила эту фамилию на Щербакову...Я очень благодарна своему второму отцу, что за сорок семь лет совместной жизни я ни разу не услышала от него не только грубого слова, но даже грубой интонации. И все, чего я достигла в профессиональном плане, я приобретала, будучи прикрыта его спиной. А родному отцу я обязана не только жизнью, но и той духовной поддержкой, которую я получала все годы из книг, оставшихся после него и хороших воспоминаний о нем от тех людей, которые его знали.